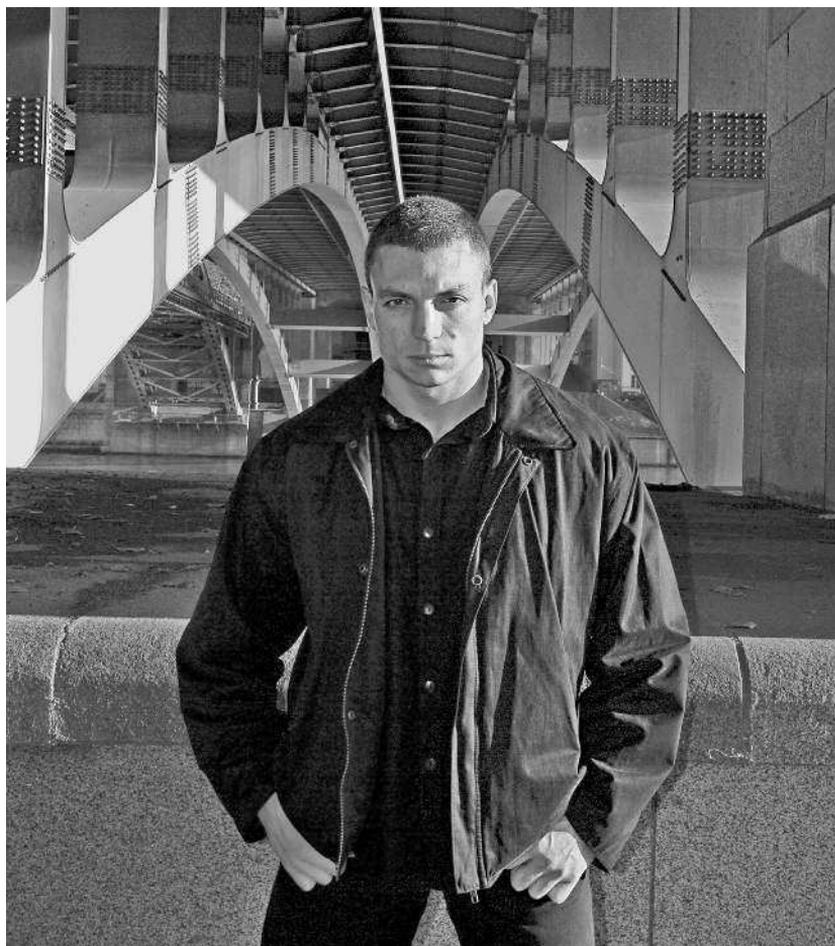

Сергей Тармашев

ОТ АВТОРА

Данное произведение является абсолютно ненаучной фантастикой, оно не соответствует общепринятым теориям, постулатам, а также прочим фундаментальным научным законам. Книга создана с единственной целью — развлечь любителей постапокалиптики.

Северное море, 200 км от западного побережья Дании, нефтедобывающая платформа.

Тридцать четыре года после начала эпидемии

Хмурое небо, свинцовой мглой нависающее над беспокойным холодным морем, ничем не напоминало погожий июньский день. Димка поежился под очередным порывом едва ли не ледяного ветра и в который раз окинул морской горизонт тоскливым взглядом. От такого лета у него кости ломит не слабее, чем в зимнюю стужу, а хроническая простуда и вовсе стала во время вахты явлением перманентным. Когда восемь месяцев назад, в лаборатории фашиста Вильмана, получая заветную вакцину антивируса, Димка соглашался на двадцатилетнюю трудовую повинность, он даже не представлял, что всё окажется настолько сурово. Что может означать любая работа на цветущем, свободном от заров, мутов и самой угрозы мутации Готланде, в сравнении с перспективой гибели? Мелочь! Ерунда, не заслуживающая внимания! Однако в реальности всё оказалось несколько сложнее.

Все непыльные занятия были распределены среди старожил, и новым гражданам Конфедерации Готланд доставались занятия далеко не самые комфортные. И зачастую с пребыванием на самом Готланде совершенно не связанные. Старожилы новичкам не доверяли абсолютно, вследствие чего последним поручалась не просто

тяжелая работа. Пока твою лояльность не сочтут доказанной, будешь вкалывать там, откуда даже при желании убежать нельзя. А если твоя производительность будет подозрительно низкоэффективной, то положенные тебе нормы вещевого и продуктового довольствия прямо пропорционально снизятся. Вообще, конечно, всё честно, и Димка не роптал, понимая, что такая величайшая ценность, как собственная жизнь, стоит любых лишений. Но уж больно тоскливо становилось при мысли о том, сколько ещё лет придется провести на этой промозглой, просоленной и проржавевшей нефтедобывающей платформе.

Добывать нефть Димку направили на второй неделе после выписки из больницы, куда он попал в результате неудачной попытки остановить Штурвала, покусившегося на святое — на жизнь членов Правительства Конфедерации Готланд. Одна из Штурваловских пуль зацепила Димке бедренную кость и что-то там повредила то ли в самой кости, то ли в мышце, то ли в нерве, то ли сразу везде понемногу. В результате с тех пор, наступая на ногу, Димка чувствовал несильную, но постоянную тупую боль, из-за чего стал хромать и почти перестал бегать. Но эта травма, полученная им ради общего блага, совершенно не помешала Административно-Хозяйственному Министерству направить его на нефтедобывающую платформу. Впрочем, его подвиг не оцененным не остался, за проявленные мужество и героизм Димку наградили медалью Конфедерации «За храбрость» и сразу дали должность второго заместителя бригадира третьей бригады разнорабочих. В общем, спустя десять дней обучающего курса он уже был на борту теплохода, идущего в Северное море.

Поначалу даже такая работа вызвала у Димки неописуемый восторг. Он станет носителем сложнейшей Технологии старого времени — добычи топлива! Но очень скоро выяснилось, что посвящать в подробности Технологий

ненадежных граждан, не отработавших пятилетний минимум, запрещено во избежание ненужных осложнений и прочих эксцессов. Все самые важные операции выполняли буровые и инженерные команды, меняющиеся каждые две недели, новички же назначались на должности разнорабочих и прочего низкоквалифицированного персонала, выполняющего примитивные операции вроде «принеси-подай-разгрузи-перетащи». И вахта у них длилась месяц, после которого полагался двухнедельный отпуск. После того, как Димка отработает пятилетний минимум, и его лояльность будет признана, продолжительность отпуска сравняется с продолжительностью вахты...

Димка плотнее запахнул на себе брезентовый дождевик и снова печально вздохнул. Осталось четыре с половиной года до признания лояльности и девятнадцать с половиной — до окончания трудовой повинности. Оставалось надеяться, что за ближайшие четыре с половиной года в Конфедерации появятся ещё новички, и Димку переведут работать на остров. Бригадир рассказывал, что до Готланда постоянно кто-нибудь добирается, в основном из близлежащих стран, но последний десяток лет это либо одиночки, либо небольшие группы. Все они рьяно желают получить укол антивируса и с восторгом соглашаются на трудовую повинность, но их общее количество всё равно слишком мало для того, чтобы заполнить все вакансии чернорабочих. И искусственно увеличивать этот поток никто не будет, потому что на острове и так огромный перекос в сторону мужского населения. Женщин меньше раз в двадцать, и увеличение и без того огромной конкуренции никому не нужно. Особенно учитывая тот факт, что почти всё мужское население Готланда это вооруженные до зубов солдаты и офицеры подразделений, с которыми после начала эпидемии сильные мира сего заявили на остров в поисках лаборатории Вильмана.

В целях снижения общего напряжения Правительство Конфедерации даже запустило специальную программу по снабжению населения женщинами. Особые команды выдвигаются в близлежащие земли и отлавливают там зар. Выловленных привозят на Готланд, вкалывают антивирус и распределяют между людьми. Но обеспечить массовый приток женщин таким способом всё равно не удастся. Во-первых, во всех окрестных землях зары давно в курсе подобных экспедиций и всячески прячут своих женщин и прячутся сами. Во-вторых, полное отсутствие серьезной медицины и элементарных моральных норм среди заров привели к тому, что едва ли не все отловленные женщины являются носителями целого букета всевозможных венерических заболеваний, и далеко не каждую зару удастся излечить. Многие на момент отлова уже безнадежны. Серьёзность данного обстоятельства Димка понимал очень хорошо. Пока его лечили от пулевых ранений, выяснилось, что в результате своей крайне непродолжительной супружеской жизни он получил от Зарине небольшой список пикантных заболеваний, что повлекло за собой массу терапии, подчас довольно болезненной.

Да и количество доставляемых на остров женщин никак не влияло на Димкины перспективы разнорабочего. Женщины были нарасхват, их на нефтедобывающую платформу не пошлют. Сейчас средний возраст руководящего состава Конфедерации восемьдесят лет, но основной массе граждан под шестьдесят, и в ближайшие десять лет никто не станет массово завозить на Готланд молодую рабочую силу. Зато потом, когда местное население постареет, проблему нехватки рабочей силы нужно будет как-то решать. Вот тогда у Димки появятся все шансы занять какую-нибудь серьёзную руководящую должность, освобожденную очередным старикашкой. Он-то будет в самом расцвете сил, и лояльность его к тому времени будет давно

уже признана. Так что, если подумать, вытерпеть ему предстоит не все двадцать лет трудовой повинности, а наполовину меньше. Конечно, десять лет — немалый срок, но зато к его услугам будут все Технологии старого мира, которые удалось сохранить на Готланде! Это тебе не какая-то там должность следопыта, с перспективой получить кубрик площадью аж в шесть квадратов в затхлом Бункере, или должность царька в племени заров, где ты будешь королем грязи несколько жалких лет, пока не мутируешь! Ради влиятельной должности на Готланде можно и десять лет потерпеть! Зато вся остальная жизнь пройдет, как в сказке! Но... как же долго тянутся дни на этой проклятой нефтесборывающей платформе, затерянной посреди уродского холодного моря...

— Малинин! Чего завис?! — Гневный оклик на английском мгновенно взбудрил тоскующего Димку. — Побежал ящики таскать! Немедленно! На седьмую погрузочную площадку! Двигай!

Димка поспешно похромал выполнять указание бригадира. На Готланде в ходу было то ли пять, то ли семь языков, государственным являлся английский, и за полгода работы выучить его полностью оказалось нереально. Но основные общеупотребительные фразы Димка освоил быстро, трудовой процесс разнорабочего не отличался особым разнообразием. Через минуту он уже был на седьмой площадке и терпеливо ворочал ящики с какими-то запчастями вместе с остальными работягами своей бригады, подгоняя подчиненных суровыми возгласами. Вообще бригада Димку слушалась, проблем с субординацией не возникало. Но без знания языка его руководящие функции были примитивны, что изрядно злило бригадира, который по-русски не понимал ни слова, считал Димку тупицей и поначалу часто заставлял работать наравне с остальными, когда имел плохое настроение. Спорить

с ним было тяжело в силу всё того же незнания языка и разницы в возрасте. Бригадирю было пятьдесят пять, он являлся старожилом Конфедерации, и на эту должность попал в качестве наказания. По слухам, лет десять назад бригадир, ещё не будучи бригадиром, соблазнил жену какого-то начальника, но что-то там у него с ней не срослось, и женщина в отместку рассказала о нем мужу. Ей, естественно, ничего не было, с женщинами дефицит, а вот бригадир стал бригадиром. Ещё говорили, что срок его наказания истекает через год или два, и его место уже готовится занять первый заместитель. Который мгновенно посчитал Димку угрозой своему карьерному росту.

Всё это Димка узнал от одного из специалистов инженерной команды, пожилого, но ещё крепкого ветерана военной авиации из Москвы, прибывшего на Готланд вместе с последним президентом России тридцать четыре года назад. Вообще в каждой смене специалистов было по несколько русскоговорящих стариков, как про себя окрестил их Димка. Чтобы быстрее вникнуть в тонкости жизни Конфедерации, как только у Димки выдавалось свободное время, он старался под любым предлогом подстроить случайную встречу с кем-либо из них и напроситься на разговор. Что далеко не всегда удавалось, потому что все старики смотрели на немногочисленную молодежь как на конкурентов в женском вопросе. Даже если женщин не предвиделось на полторы тысячи километров вокруг, как это было на нефтедобывающей платформе. Это ничего не меняло, каждый из них считал, что рискует быть отвергнутым женщиной, если таковая появится в поле зрения, ради более молодого конкурента. Поэтому вызвать стариков на разговор получалось только тогда, когда те пребывали в хорошем настроении. То есть, когда до смены с вахты оставалось два-три дня. Осознание того, что вскоре старики возвращаются на Готланд, а молодежь остается

на вахте, практически всегда приводило их в доброжелательное расположение духа.

Сейчас до смены специалистов оставалась ровно половина вахты, и ожидать хорошего настроения от стариков не приходилось. Поэтому к злым окрикам бригадира Димка отнесся философски, и тягал тяжёлые ящики наравне со всеми. В некотором смысле это даже хорошо, вся его бригада состоит из молодежи, и, разделяя с ними трудовые тяготы, Димка повышает свой авторитет. Что немаловажно, потому что из полусотни разнорабочих он был одним из самых младших. Большинству работяг было под тридцать, и они на Готланде уже пару-тройку лет. Но несколько человек появились на острове ещё позже Димки. Момент их прибытия на Готланд Димка не застал, к тому времени он уже всю вкалывал на нефтедобывающей платформе, но сам факт их появления играл ему на руку. Потому что все они явились из России и были его ровесниками, а то и младше. С ними у Димки не возникало языковых проблем, это раз, и для них он был своего рода ветераном Готланда, это два. А, в-третьих, новички не совершали подвигов ради Правительства Конфедерации, не были отмечены наградами и не были назначены заместителями бригадира, что дало Димке возможность занять среди них лидирующее положение. Это ещё больше настроило против него первого заместителя бригадира, зато подняло его ценность как руководителя в глазах самого бригадира. Не говоря о том, что с тех пор стало возможным поговорить с кем-нибудь на русском, а не ломать язык и голову в попытках понять, что от тебя хотят окружающие. Хотя старики из инженерной команды заявляли, что последнее обстоятельство не идет на пользу — вместо изучения английского новички кучкуются друг с другом и разговаривают на русском. Это замедляет процесс обучения языку. Может, это и так, но спешить Димке особо некуда, особенно ближайшие лет

пять. А за это время он выучит язык и так, и так. К тому же новички рассказывали интересные вещи относительно своей прошлой жизни и приключений, в результате которых они оказались на Готланде.

По итогам таких рассказов Димка пришел к выводу, что подсказку фашиста Вильмана насчет своего охотничьего домика разгадало довольно много людей по всему миру, и лишь отсутствие возможности добраться до Готланда не позволяет явиться сюда всем желающим. Добираются только самые безумные фанатики вроде психа Олега Семеновича из Домодедово или самые упёртые быки вроде Штурвала. Впрочем, оказалось, что таких хватало. У новых подчиненных Димки тоже были спутники, относившиеся и к той, и к другой категории выше-названных идиотов, и отказавшиеся от антивируса ради погони за химерой. Воистину, среди множества нормальных и здравомыслящих людей всегда найдется дебил, жаждущий спасти мир, который даже не догадывается о его «спасительских» намерениях. И не нуждается в них. Конфедерация Готланд поступила абсолютно правильно, скрыв от всех факт наличия антивируса. Граждане Конфедерации, и Димка в том числе, делают величайшее благо — действительно спасают мир, даруя ему шанс выжить и сохраниться в недрах уцелевших Анклавов. Иначе и Чистые, и Зары, все как один, придут сюда и сделают себе инъекцию антивируса. И мир погибнет от бесплодия. Доктор Иванов сказал, что в этом и состоит ужасающий своим цинизмом и жестокостью план фашиста Вильмана. Маньяк хотел уничтожить людей их же собственными руками. Интересно, придурки вроде Штурвала, не способные понять истинного смысла происходящего, прозревают в тот миг, когда начинают мутировать прямо посреди своих идиотских поисков, или мутация застает их врасплох, и они становятся мутами, так ничего и не

поняв? Хотелось бы посмотреть на Штурвала, когда до него доберется мутация. Какая последняя человеческая мысль возникла бы в его тупой бронированной башке в ту секунду, когда его скрутило бы мутационными судорогами у ног получившего антивирус Димки?

Димка опустил на место очередной ящик и с болезненной grimасой потер бедро, ноющее тупой вялой болью. Если бы не ранение, он давно забыл бы о такой глупой мелочи, как какой-то там Штурвал. Да пусть делает, что угодно, хоть мутирует, хоть станет пищей для мутов. У Димки теперь новая жизнь, имеющая хоть и далекие, но вполне реальные перспективы. И ощутить её прелести можно уже сейчас. Мутация ему не грозит, и одно это стоит всего. А ещё Административно-Хозяйственное Министерство выдало ему в аренду целую квартиру в пригороде. Раньше Димка о таком роскошном жилье не мог даже мечтать, потому что попросту не представлял, что такое существует. Пятьдесят квадратных метров на одного человека! На поверхности, без мутантов и заров, в полной безопасности, с электричеством, водоснабжением и канализацией! С радиоприемником, настроенным на государственный канал, транслирующий музыку! Впоследствии он сможет приобрести собственную портативную рацию с возможностью персонального вызова! Две недели отпуска Димка проводит круче, чем любой бизнесмен из бункера! Правда, на оплату всего этого зарплата уходит полностью, но это ерунда, ему все равно больше не на что тратить. Зато когда его лояльность будет признана, квартиру ему отдадут в пожизненное пользование, так сказал один из стариков. Потому что Готланд рассчитан, вроде, на пятьдесят тысяч жильцов, а сейчас на нем проживает только десять тысяч престарелых головорезов, четыреста восемьдесят семь женщин и три с небольшим сотни разновозрастной молодежи.

Вся молодежь, кстати, отбывает трудовую повинность, и половина ещё не отработала пятилетний минимум. Все, кто относится к этой категории, задействованы на самом непопулярном производстве, то есть здесь, в почти тысяче трехстах километрах от Готланда, на нефтедобывающей платформе, затерянной в море в двухстах километрах от ближайшего берега. Вся остальная непопулярная работа находится на Готланде и не настолько непопулярна. Старики как-то упомянули, что раньше, лет двадцать пять назад, Конфедерация пыталась эксплуатировать несколько нефтедобывающих платформ, но с течением лет уцелела только эта. Вроде как здесь, в Северном море, во времена старого мира было полно таких платформ, но так как вода является рассадником штамма Вильмана, то все они подверглись заражению едва ли не в первые сутки эпидемии, даже прежде, чем катастрофа захлестнула Европу. Мутировавший персонал платформ сожрал немногих выживших и в поисках пищи в буквальном смысле сгрыз всё, что только было можно употребить в пищу. А что такое подстегиваемые лютым голодом муты, Димка знал не понаслышке. Короче, ставшие мутами работники нефтяных платформ разломали много чего важного, спровоцировав пожары, а последующие шторма и суровые морские зимы быстро уничтожили нефтедобывающие платформы. Почти все они либо обрушились, либо превратились в торчащие из воды гигантские переплетения искореженного, закопченного и проржавевшего металлолома. Более-менее сохранились только две или три платформы, на одну из которых наткнулась экспедиция Конфедерации, отправленная, кстати, в Исландию, на поиски несуществующей «второй подсказки» фашиста Вильмана. Позже, после того, как в Исландии ничего не нашли, Конфедерация предпринимала попытки разыскать другие уцелевшие платформы, в результате чего были обнаружены ещё две, кажется так.

Но сам по себе факт обнаружения мало что дал. Главной проблемой являлось отсутствие квалифицированного персонала, так в Конфедерации называют носителей Технологий. В поисках лаборатории фашиста Вильмана на Готланд со всех концов света прибыло множество людей, и все они были представителями правительств и их силовых структур, включая немногочисленных инженеров и ученых. Первые пять лет на острове шла непрерывная резня за право владеть лабораторией, подпитываемая регулярно прибывающими с материка страждущими. Старики говорят, что к концу войны количество убитых превысило цифру в шестьдесят тысяч. Раненых почти не было, потому что вирус быстро превращал таковых в мутов, ученые считают это результатом действия штамма Вильмана, мутировавшего в морской воде. Как бы то ни было, к началу шестого года на острове осталось всего десять тысяч человек, выживших в бесконечных битвах, которые уцелели в основном потому, что получили прививку антивируса в те моменты, когда лаборатория Вильмана переходила из рук в руки. Многие успели уколоться в перерывах между боями, а то и прямо во время сражений, оставляя позиции и под градом пуль бросаясь к вожделенной лаборатории. В конечном итоге остаткам силовых подразделений различных государств, обескровленным, голодающим и едва ли не одичавшим, наконец-то удалось найти общий язык и заключить мир, поначалу довольно зыбкий.

Первое время никто не хотел уступать, и процесс объединения шел крайне непросто. Из-за этого Готланд был объявлен именно Конфедерацией, чтобы максимально сохранить автономию всех желающих. За последующие десять лет всё само собой притерлось друг к другу и разногласия исчезли, но Конфедерация так и осталась Конфедерацией, дабы не ущемлять ничьих интересов. В общем, мирную жизнь победители начали обустроить на шестом